

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

НЕ БЫВАЕТ РОДИНА ДАЛЁКОЙ

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

**НЕ БЫВАЕТ РОДИНА
ДАЛЁКОЙ**

ИЗБРАННОЕ
ТЕТРАДКА ВТОРАЯ

Владивосток
«Русский Остров»
2020

УДК 82
ББК 84
Т93

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА **НАРОДНАЯ КНИГА**
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО С ОБЩЕРОССИЙСКИМ
ДВИЖЕНИЕМ ПОДДЕРЖКИ ФЛОТА (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **МИХАИЛ**
НЕНАШЕВ), ПРИМОРСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ
АМУРСКОГО КРАЯ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**

Серия ПОЭЗИЯ. Восемнадцатая книга серии

Тыцких, В.М.

Не бывает Родина далёкой / В.М. Тыцких. – Владивосток:
Изд-во «Русский Остров», 2020. – 200 с.

Владимиру Тыцких, русскому поэту, прозаику и публицисту, советскому морскому офицеру, судьба уготовила скитальческий путь человека долга. Но где бы ни был, памятью и сердцем он оставался на земле детства, на малой своей родине. Она живет в этой исповедальной книге. Автор не надевает маску, не играет с читателем в литературные игры. Здесь – всё взаправду.

Девятнадцатый сборник поэта продолжает серию избранного. Продолжает достойно.

ISBN 978-5-93577-213-0

УДК 82
ББК 84

© «НАРОДНАЯ КНИГА», 2020
© Владимир ТЫЦКИХ, 2020
© Анатолий ВЕРШИНСКИЙ,
предисловие, 2020

**НЕ БЫВАЕТ РОДИНА
ДАЛЁКОЙ**

ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ ДУШИ

Две необоримые силы побуждают человека к странствиям: страсть и долг. «Охота к перемене мест», как сказал Пушкин, и служебная необходимость.

Владимиру Тыцких, русскому поэту, прозаику и публицисту, советскому морскому офицеру, судьба уготовила скитальческий путь человека долга. А страсть к путешествиям закономерно выросла из походов, в которые отправляла моряка Большая Родина.

Но точкой притяжения его души неизменно остаётся родина малая: «Лишь здесь такое ледяное пламя // Кровь горячит до трепета в висках, // Когда я пересохшими губами // Целую воду в чистых родниках».

Владимир Михайлович Тыцких родом из восточно-казахстанского города Лениногорска (ныне Риддер). После восьмилетки и медучилища в Усть-Каменогорске поработал в сельском медпункте, однако недолго: был призван на срочную службу и получил назначение на Тихоокеанский флот. Затем поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. Ну а далее выбирал, где жить и куда плыть, уже

не он. Служил на кораблях Дважды Краснознамённого Балтийского флота, потом — снова на Тихоокеанском: теперь уже на подводных лодках. Продолжил службу в редакции газеты флота «Боевая вахта». Уволился в запас в звании капитана второго ранга — незадолго до распада государства, которому присягал. Об этом он напишет безысходно-печальные строки: «Нам до дна эту горькую чашу // Не испить ни потом, ни сейчас: // Потерялось Отечество наше, // А другого не будет у нас»... Владивосток, где Владимир прожил бóльшую часть жизни, стал для него родным городом. Разумеется, новая любовь не вытеснила, не затенила кровной привязанности к отеческим местам, в одночасье ставшим заграницей. Им и посвящена новая книга, вобравшая стихотворения, написанные за долгие годы.

Цепкая память сохранила детские впечатления, зримые и точные детали сельской жизни: тропинку, где виден «след от протёршихся детских сандалий»; коней, у которых «мохнатые репьястые хвосты»; «пустой стерни колючее сукно»; «полынный дух парного молока». Реалии степного быта не всегда ласковы, как и погода. Но — «...в родимых сугробах тону я по самое

сердце». По самое сердце погружён юный сын алтайских предгорий в отеческие просторы: «За степным раздольем — горы, // Даль такая, что уже // Свет родимого простора // Не вмещается в душе». Это ещё время, когда будущий моряк и поэт «думал вечно жить в родном краю». Но пробуждалась пока неосознанная тяга к тому, что за горизонтом: даже малые реки тянутся к морям.

*Я верил — там небо синее и выше,
Где в сонной глуши заполярных полян
Вода родников моего Прииртышья
Впадает в неведомый мне океан.*

*Уже породниться с дорогой далёкой
И мне предначертано было судьбой.
Начнётся она, как река, от истока
И канет как в море в дали голубой.*

*Но, как бы меня по земле ни мотало,
Со мной до последних останутся дней
Река с берегами в кустах краснотала
И лодка моя, отражённая в ней.*

Малая родина — лишь часть Родины великой, в судьбу которой сливаются участи её детей. Полное осознание этой истины пришло к автору ещё в пору становления его таланта. Лишь немногие стихотворения в книге датированы, и одно из них — «Владивосток, растающий в преданья», относящееся к 1980 году. То, что автор указал время написания этих публицистически прямолинейных стихов, говорит о важности запечатлённого в них переживания.

*Как много мест, где я ни разу не был,
С которыми навек нерасторжим!
Как странно, что над этим краем небо
Когда-то показалось мне чужим.*

*Храню в душе смолистый дух Алтая,
Иртышские крутые берега,
Но разве Ангара мне — не родная?
Но разве мне Нева — не дорога?*

*В селеньях малых и больших столицах
Желанным и счастливым буду я,
И этому никто не удивится:
Мне родина — вся Родина моя.*

В предисловии к первой отдельной книжке автора, которую мне довелось готовить к печати в столичном издательстве «Молодая гвардия» («Честь флага», 1984), поэт и прозаик Василий Субботин так охарактеризовал её содержание: «Всё здесь выверено и оправдано, подтверждено судьбой, жизнью...» То же можно сказать и о новой книге. С поправкой на глубину зрелого чувства, уже далеко не всегда восторженного («О как же мы безжалостно похожи, // Дрожащая последняя листва!»), и обострённую зоркость мастера. И ещё с одним уточнением: собственно, это и есть существенная часть жизни — её душевная, духовная составляющая. Понятие «лирический герой», на мой взгляд, неприменимо к исповедальным стихам Владимира Тыцких. В них поэт не надевает маску, не играет с читателем в литературные игры: здесь всё взаправду, всё — от своего имени. Главный герой стихотворений — как правило, сам автор, это его жизнеописание, его поэтическая биография, стихотворная летопись его души. Есть в книге и другие герои: домочадцы, соседи, друзья, сослуживцы, собратья по перу. Важная особенность сборника — обилие посвящений близким людям. Немало в нём стихов,

обращённых к памяти матери, рано умершей и потому «вечно молодой». Много напоминает о ней — даже куст калины: «Калинушка, русская скромница, // Застенчивый сон ноября... // Попробую ягодку — вспомнится, // Как мама любила тебя». А это стихотворение, так созвучное по настроению хрестоматийным стихам Николая Рубцова «Тихая моя родина», приведу целиком.

* * *

*Тихо-тихо. Речка вьётся тихо.
Тихо серебрятся облака.
Девочка, не ведавшая лиха,
Молча машет мне издалика.*

*Господи, скажи, что это было!
С речкой, облаками и со мной,
С девочкой, с касаткой сизокрылой,
Над родной летящей стороной.*

*С домиком с окошками в окладе,
Ставенкой с ромашкой полевой,
Со скамейкой в тихом палисаде,
С бочкою с водою дождевой...*

*Тихо. Тихо девочка уходит,
В сердце поселяя непокой.
Тихо звёзды в небе хороводят,
Тихо светит месяц над рекой.*

*Ночь. Ни звука. Тихо перевозданно.
Пусть петух скорее запоёт!
Мама встать попросит рано-рано.
Я теперь слушаюсь её.*

Жизнь, полная радостей и горестей, продолжается. И в ней поэту, чьё сердце разрывается между любовью к отеческой земле, очутившейся за кордоном, и привязанностью к некогда казавшемуся чужим, но ставшему родным краю, предстоит «Прощаться снова и встречаться снова, // Пока моя дорога вдаль бежит, // Пока душа расстаться не готова // Со всем, что ей навек принадлежит».

Новая книга — девятнадцатая в числе поэтических сборников Владимира Тыцких. Она продолжает серию избранного. Достоинно продолжает.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ.

* * *

Тишина спала в избе,
Сон в окно глядел.
Ветер засвистел в трубе,
В небо вылетел.

Во саду ли, во дворе
На краю села
Птица пела на заре,
Пела весело.

Батя встал огонь разжечь
По всем правилам,
Мама хлебушек испечь
В печь поставила.

Мы во двор гулять пошли,
Братья-зяблики.
Ветки яблонь до земли
Гнули яблоки.

Пёс проснулся в конуре.
Цепь забрякала.
Птица пела на заре.
Сердце плакало.

* * *

Сбегают к лугу по-за пряслом
Тропинка первая моя.
Жужжит натужно жук ужасный
Над лопухами у плетня.

Соседский кот, шельмец завзятый,
Собаке нашей лучший враг,
Стреляя взглядом воровато,
По крыше лезет на чердак.

За сараюшкой, за кустами
Прохладой веет от реки,
Где бабы хлопают вальками
И тянут бредень мужики.

Мне все детали: двор, малину,
Дым над трубою, птичий гам
В одну заветную картину
Собрать ещё не по годам.

Над нашим домиком горбатым
Темнеет медленно зенит.
Горит закат, но свет закатный
Мне ни о чём не говорит.

Во всём предположив удачу,
Загадку, тайну, волшебство,
Я, ходом времени захвачен,
Ещё не чувствую его.

Сбивая ноги о щёбёнку,
С крыльца галопом, с ветерком,
Я с пастбища встречать бурёнку
Скачу на палочке верхом,

Богат простором необъятным,
Рекой в зелёных берегах,
Котом, конём, лучом закатным,
Жуком, жужжащим в лопухах,

Ещё ни взглядом и ни слухом
Не чую, что такое Русь.
Уже родным питаюсь духом,
Расту и русским становлюсь.

УТРЕННИЙ СОН

Три брата, сыны Михаила и Раи,
Мы жить начинали в тепле и добре
В крестьянской избушке чуть больше сарая,
Стоявшего возле плетня во дворе.

Всё сложно и просто в пространстве подлунном:
Земля то цветёт, то уходит под снег,
Гремят и поют барабаны и струны,
И времечко наше летит, как во сне.

Во времечке этом и звёзды, и пули
То реже, то чаще и гуще летят.
А трое мы, помнится, только проснулись,
Похожи на глупых бескрылых утят.

На цыпочках к двери пошли друг за другом –
Нам было тревожить отца не с руки.
И мама с надеждой глядела. И туго
Судьба начинала вязать узелки.

Лучи между делом уже осветили
Наш домик от тёмных углов до венца.
В нём не было сенок, мы дверь открыли
И шустро гуськом соскочили с крыльца.

И утро прохладное ласково длилось.
Мы трое — втроем интересней втройне —
Играли в войну. А отцу ещё снилось,
Что он неженатым погиб на войне.

* * *

Полдень. Подробности ясного дня
В тёплой ладони мерцающей дали.
Поле. Просёлок. В пыли колея.
След от протёршихся детских сандалий.

Вот и тропинка на берег речной,
Вот и замшелые древние камни;
Сонный камыш над ленивой волной,
Утица, ловко упавшая в плавни.

Омута тёмный таинственный мрак.
Взлобок прибрежный. Склонённая ива.
Сток прошлогодней соломы. Овраг.
Мягкая, скользкая глина обрыва.

Жёлтое, как у жарков лепестки –
То ли игрушка, а то ли веснушка –
Словно из лёгкой ребячьей руки
В небо сорвавшийся шарик воздушный.

Что же сказать о земле-то самой?
Дышит, цветёт и поёт, как живая...
Голос родимый: Сыночек, домой!
Сына, быстрее! Обед остывает...

* * *

Ярило раскалённое в зените.
Живым крестом пронзивший синеву –
Орёл, неутомимый небожитель,
И тень его, летящая в траву.

За домом яр. А там, внизу — протока.
На противоположном берегу
На рыжем взгорке тополь одинокий,
А дальше луг и кони на лугу.

Лохматые нестриженные гривы,
Мохнатые репястые хвосты,
Атласных кож живые переливы,
Весёлый храп — слышать за полверсты!

Орёл и кони. Тополь. Дом. Протока.
Мне кажется, я буду вечно юн...
Предрешены события и сроки.
Недолго будет царствовать июнь.

* * *

Так было. Ветер ставнями скрипел,
Кудрями клёна за окном играя,
И за листвой кружащейся летел,
И подметал солому у сарая.

Пустой стерни колючее сукно
Уже побило изморозью ранней.
Заглядывала осень к нам в окно
Сквозь бледные соцветия герани.

Текла невдалеке Иртыш-река,
И во поле берёзонька стояла,
И распевал отец про Ермака,
И мама потихоньку подпевала.

И в беспредельной череде времён,
Подверженных условным переменам,
Тот день был для того и сотворён,
Чтоб длиться долго, а пройти мгновенно.

Уж сумерки текли в ущельях гор
К степным ложкам, оврагам и кюветам.
Но был ещё пронзителен простор,
Лучащийся и вправду горним светом.

Земная хлябь и неземная твердь
Согласье и покой струили в душу.
И предстояло жить и умереть,
Но ничего, что было, не нарушить.

* * *

Орёл, распластавший широкие крылья,
Вдоль сопок над степью кружил вдалеке,
А ветер дышал ковылём и полынью,
И в лодке послушной я плыл по реке.

Река потихонечку бег ускоряла,
Дробя на волне отражённые в ней
Упругие ветки кустов краснотала,
Скрипучие вёсла от лодки моей.

Я верил — там небо синее и выше,
Где в сонной глуши заполярных полян
Вода родников моего Прииртышья
Впадает в неведомый мне океан.

Уже породниться с дорогой далёкой
И мне предначертано было судьбой.
Начнётся она, как река, от истока
И канет как в море в дали голубой.

Но, как бы меня по земле ни мотало,
Со мной до последних останутся дней
Река с берегами в кустах краснотала
И лодка моя, отражённая в ней.

И ветер над степью полынно-ковыльной,
Горячей от солнца, и вёсла в руках,
И в небе недвижные чёрные крылья
Степного орла, что исчез в облаках.

* * *

А в палисаде соседском
Вновь созревает ранет!
Все безогляднее детство
Прячется в ворохе лет.

Вместе с лаптою и чикой
Из пулевого свинца,
Вместе с травой-повиликой
Возле родного крыльца.

Как бесподобно мечталось
В те босоногие дни!..
Только всего и осталось —
Помнить, что были они.

Вместе с водою зелёной
И окуньками в пруду,
Вместе с любимым паслёном
В сладком соседском саду.

НАД КУРГАНОМ

А в поле светало, и поле,
Испив предрассветной росы,
Дышало покоем и волей
И не ожидало грозы.

Земля согревалась и млела,
И прятала ветер в траве;
И мысль моя облаком белым
Пыталась летать в синеве.

А в небе над старым курганом,
Дремавшим у крайней межи,
Кругами, кругами, кругами
Безмолвный могильник кружил.

Всё было любимо до боли:
И холм среди дола, и дол,
И поле, и небо над полем,
И в небе парящий орёл.

Всё было до смерти знакомо:
И солнце, и солнечный луч,
И голос далёкого грома
Ещё из невидимых туч.

Так сделалось в мире тревожно,
Так страшно, что впору бежать,
Так тихо — кричать невозможно,
Так душно, что нечем дышать.

Не стало в предгрозной морильне
Ни люда, ни зверя, ни птах,
И лишь одинокий могильник
Всё реял в родных небесах.

Над полем, над старым курганом,
Что спит у последней межи,
Кругами, кругами, кругами
Кружил, и кружил, и кружил...

* * *

Дом. Справа речка. Слева склон овражный.
Поля окрест. И даль — белым бела.
В больницу, в гости, за покупкой важной
Мы отъезжаем в город из села?

Мне шесть. Я старший. Мамина подмога.
За летушко прошедшее окреп.
Несу я мамой собранный в дорогу
Ещё парной, в тряпице чистой хлеб.

Блестит дорога в снеговой обновке.
Лошадка с места трогает легко.
Мой молодой отец встаёт в кошёвке:
— Но-о, шевели лопатками, Серко!

В хрустящий снег впечатан след подковный.
Примолк отец. Грустит о чём-то мать.
(Что было раньше, я уже не помню.
Что будет позже, начал забывать).

Мы отъезжаем. Машут вслед соседи.
Кружится снег. Серко бежит вперёд.
Вздыхает мама. Мы всё едем, едем.
И пахнет хлеб. И снег идёт, идёт...

* * *

То ли жил я в нём, то ль приснился мне
В два окошка дом на яру крутом.
То ль свеча горит, то ль звезда в окне,
То ль встаёт заря за окном.

Мать моя идёт — что картиночка,
Мой отец идёт — хоть куда мужик! —
По просёлочку, по тропиночке,
Чистым полюшком напрямик.

Может, станет здесь город каменный,
Я когда-нибудь полюблю его.
Только мать с отцом опечалены,
Да не знаю я — отчего.

Почему трава молчаливая,
А вода в реке день и ночь поёт,
И о чём грустят клёны с ивами,
И зачем кричит вороньё?

А меня пока жизнь не трогала
Ни чужой бедой, ни моей виной.
И глядит зенит светлым облаком,
И плывёт оно надо мной.

Скоро сам пойду — как же иначе! –
Под молчанье трав да вороний крик
По просёлочку, по тропиночке,
Чистым полюшком — напрямик.

* * *

День укрывался предвечерней мглой,
Клонился к ночи предосенний вечер,
За тучкой, пролетевшей стороной,
Другая появлялась издалече.

И быстро наступала темнота,
И обжигала ранняя прохлада,
И листья с задрожавшего куста
Летели на штакетник палисада.

А печь была не топлена в дому,
Но дом иное что-то согревало.
И мама выходила в дождь, во тьму,
И двери за собой не закрывала.

И со двора, из тьмы, издалека
На свет в дому стекались постепенно
Полынный дух парного молока,
И шум дождя, и влажный запах сена...

* * *

Мело, валило — ни троп, ни вех,
Лишь дым вывевался из труб,
Да мама крутилась одна за всех
В избушке, простывшей к утру.

А я доглядывал детский сон,
Наивный, несбыточный сон,
Где каждый в каждого был влюблён
И каждый прощён и спасён.

Там жизнь катилась не под уклон,
Да не тенью через плетень,
Не ветром со всех четырёх сторон
Там иной занимался день.

Уж тем одним навсегда хорош,
Что и мама ещё жива,
А снег упал — по двору не пройдёшь,
Да в печурке гудят дрова.

Судьба нескладная — не моя,
Не моя — поросла быльём...
Сладкий сон заспал и проснулся я
Ранним утром, да поздним днём.

Не мне в вину, не в укор ему
Был день целый день на бегу,
Да вслед ему банька по-чёрному,
Да след мой на чистом снегу...

* * *

Мир в сугробах по грудь утонул
и ослеп от бурана
Так уже далеко и давно,
что не видно почти.
Да чего там смотреть?
Ну зима и зима. Даже странно
Вспоминать, как она
за собой заметала пути.

Вот и присказка есть:
это было давно и неправда.
Ну — кружила метель,
а в печи бормотали дрова.
Кот дремал у окна,
и часы куковали исправно.
И горела свеча. И была моя мама жива.

Что там было ещё?
Воробьи зимовали в скворечне.
Лёд в ночи бесконечной
трещал на уснувшей реке.
И стихал снегопад.
И с утра первопутком в заречье
За копёшкою сена отец уезжал на Серке.

Далеко-далеко... Лишь зима
и осталась в наследство.
Ни печи, ни кота, ни Серка —
только память одна,
Где в родимых сугробах тону я
по самое сердце,
И навстречу бурану
с заречья бредёт тишина.

* * *

Любуюсь узорными гроздьями,
Срывать их не время пока.
Калина, красавица поздняя,
Уж как ты, родная, горька.

Одна налитою да рясною
Ты вышла из всех непогод.
Уж я соберу мою красную,
Лишь первый морозец прижмёт.

Калинушка, русская скромница,
Застенчивый сон ноября...
Попробую ягодку — вспомнится,
Как мама любила тебя.

* * *

Буян-февраль в сугробах утонул.
Во мгле метельной растворились горы.
Пригрелся у подножий сонный город,
Покорно ожидающий весну.

А в городе любили зимовать,
Слетаясь в сквер, жуланы и синицы,
И жили мы, как маленькие птицы,
Пока что не умевшие летать.

Какая же зима была кругом!
Кружился снег и падал нам в объятья.
Нас было трое малолетних братьев,
По скверу ковыляющих гуськом.

Мы дом закрыли сломанным замком
И чёрную промёрзшую горбушку
Крошили на висячую кормушку
Под лопнувшим фанерным козырьком.

Слетались птицы. Следом снег летел.
А дальше — лишь отдельные картинки.
Вот мне «со смехом» принесли ботинки
(Я слово «мех» ещё не разумел).

Вот мама, расхворавшись, прилегла
И мне, глаза исплаканные пряча,
На ливерные пончики без сдачи
Блестящие копеечки дала.

О, мама, не дано ей было знать
(И сам я до сих пор не понимаю),
Зачем я, даже азбуки не зная,
Истратил их на общую тетрадь.

Мне отправляться в неизбежный путь –
Лишь оставалось встать перед рассветом
И поглядеть, как ночь уносит ветром,
И вслед прощально руки протянуть.

* * *

Трава босые ноги колет.
И нет дождя, и града нет.
Уже почти просохло поле.
Уже Победе десять лет.

Земля покойна, словно знает,
Что нынче ждать хозяев зря,
Что и в деревне Первомаю
Быть красным днём календаря.

У сельсовета твёрдым шагом
Протопал праздничный народ,
И сельсовет под красным флагом
Закрыт на полный оборот.

А дома дела никакого,
И время движется само.
Отец от друга фронтового
Читает старое письмо.

В полдневный двор поспевшим солнцем
Глядит задумчивый зенит,
И мама, прислонясь к оконцу,
В даль ненаглядную глядит.

Мурлыка Васька лапу лижет.
Вздыхает мама у окна...
Как много я сегодня вижу,
Чего не видела она!

И я бы отдал всё до грамма,
До капли — всё, чем дорожил,
За то, чтоб только знала мама,
Чем я на белом свете жил;

Что, верною душой хранимы,
До дня последнего со мной
Два образа — земли родимой
И мамы, вечно молодой.

* * *

В окне июнь. Паслён ещё зелёный.
Отец во снах воюет на войне...
Там жизнь и время шли не по айфону,
Там ходики стучали на стене.

В том далеке — чем дальше, тем светлее —
Легко вставала ранняя заря...
В окне июль. Ещё шиповник спеет.
А вот душа — в кануне ноября.

Ни просьб, ни ожиданий, ни желаний.
Звонков ни от кого и никому.
А за окном косые тени зданий
Вечернюю сгущают полутьму.

А привозная прима в «Мариинке»
Торопится дотанцевать Кармен.
А мир устал от перемен великих,
Но снова ждёт каких-то перемен.

И всё куда-то движется незримо.
И все туда спешат и не спешат.
И всё понятно, но необъяснимо,
Чем сможет успокоиться душа.

Владивосток в окне шумит столично,
Открыт для всех родных и не родных.
И всё неповторимо, но обычно
В делах людских и судьбах мировых.

И жизнь идёт и что-то обещает,
Хоть никаких гарантий не даёт.
И кажется, что вечер нескончаем,
Но это заблуждение пройдёт.

И вспомнится далёкий от печали
Отцовский дом в рассветной тишине,
Когда казалось: всё ещё в начале,
Но ходики стучали на стене.

* * *

Уж нет и помину
Восторгам весны,
Но гроздья калины
Ещё зелены.

Уже сенокосы
Сметали стога,
Но спелая осень
Ещё далека.

То зиму пророчат,
То лету сродни
Холодные ночи
Да тёплые дни.

И клонятся ветки:
Любимый ранет –
Как бабьего лета
Поклон и привет.

По летнему саду
Тропинки мои
Уже и не рядом,
Ещё не вдали.

Лишь птах предрассветных
Весёлый трезвон –
Как бабьего лета
Привет и поклон.

А мимо калины
Протоптаный путь
Ещё не покинуть,
Уже не вернуть.

* * *

Мне память рисует картину:
Дорогу, телегу одну,
Одну лошадиную спину
И небо во всю ширину.

Скрипят потихоньку колёса,
По мёрзлой землице скользя.
То ровно, то криво и косо
За ними ползёт колея.

Отец, как положено, правит
И долго-предолго молчит.
А даль — невесёлая справа,
А слева — нерадостный вид.

Лошадка сомлела от бега,
Дорога пыхтит на подъём.
А степь припорошена снегом
И машет седым ковылём.

Я еду себе полулёжа,
На хмурое небо смотря.
А в целом картина похожа
На первые дни ноября.

Дорога всё длится и длится,
Версту прибавляя к версте.
И что-то за далью таится,
Что видят лишь небо и степь.

Отец не торопится вроде,
И время не рвётся вперёд,
Но что-то уже происходит,
Чего нам никто не вернёт.

* * *

Дорога попрямей и поровней
Кому-нибудь, дай Господи, досталась.
Я думаю, шагая по своей,
С чего она когда-то начиналась.

Когда бы знать, куда она звала,
Куда хотела привести в итоге –
Вдруг у меня она другой была,
А я пошёл не по своей дороге.

Кабы да если, что о том гадать,
Впустую дорогое время тратить.
Уже другой дороге не бывать,
Мне до последних дней и этой хватит.

Мне все дары её уже видны,
А самое, казалось бы, простое –
Такое всё, что нет ему цены,
Такое несказанно дорогое.

И в памяти пребудут навсегда
Прохладный полумрак таёжной чащи,
Иртышская холодная вода,
Бегущая среди песков горячих.

Дом в георгинах с дымом над трубой,
И рядом с домом — ходу полминуты –
Река Ульба, и небо над Ульбой,
И в небе облака как парашюты.

И первый друг, и школьный стадион,
И новый дом, уже пятиэтажный,
И голуби, что сели на балкон
И крошки хлеба с рук клюют отважно.

Да мамино усталое лицо,
Да мамин сад, уже почти прозрачный,
Да запах малосольных огурцов
И спелой дыни на осенней даче...

РЫБАЛКА НА ЗАБРОШЕННОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Отбуйствовали юные ветра.
Просохла неба майского полуда...
Там рыбка начала клевать с утра
У слива древней мельничной запруды.

Там жили золочёные линии,
Добрели под корягами налимы,
Лягушки пели в ивовой тени,
И время мимо них текло незримо.

Вся мелочь, чепуха, неблагодать
Скрывались далеко за камышами,
А мельница давно устала ждать
Мешки с зерном,
пропахшие мышами.

От тёмных тайн немела тишина,
Век был безгласным,
но молчанье — дерзким.
А жизнь одной заботушкой полна –
Бежать в обнимку
с летом пионерским.

А ты сиди и плюй на червячка,
Сиди и плюй, и никакой обузы.
Потом тебя пошлют размять бока
В колхоз-миллионер на кукурузу...

Налим схватил! Чего хотеть ещё!
И линь клюёт, и день по-детски ясен.
Когда б ни кукуруза и Хрущёв,
Ни Кеннеди и снайперы в Техасе.

А, впрочем, горя нет: Техас далёк,
И завтра добрый клёв начнётся снова,
И мысли нет про ельцинский крючок
С уловистой наживкой Горбачева.

* * *

Пока земные терпят сроки,
Верна любовь, земля щедра,
И в них не высохли истоки
Того наследного добра,
Которое без задней мысли
Готово броситься вперёд
Под воду, под смертельный выстрел,
На крик, на край, на тонкий лёд –
Ещё не устарели смыслы,
Ещё не умерли слова
О снах счастливых, небе чистом,
О том, что родина права,
Когда, бывает, в час суровый
Встаёт из дыма и огня,
И твоему внимает слову,
Во всём надеясь на тебя.

* * *

Что там за пейзаж — полынь с колючкой
Да речной прибрежный чернотал.
Только я загадочней и лучше
Ничего покуда не видал.

Трепетали жаворонки в небе,
Травы трепетали впереди,
И рвалось в приманчивую небыль
Сердце, трепетавшее в груди.

И вставал простор такой великий —
Век живи, всего не обозреть;
И лились с небес такие клики,
Что хотелось плакать или петь;

С жаворонками и журавлями
Подниматься прямо в облака
И лететь, лететь за облаками,
И глядеть на землю с висока.

Боже мой, как всё недавно было!
Господи, я маленький такой!
Я гляжу, как ветер желтокрылый
Пыль несёт над степью и рекой.

Предзакатный час последней кровью
Даль за горизонтом обагрил.
Быстрый день к степному изголовью
Золотую голову склонил.

* * *

Окликались ветры в поле,
Никли травы им вослед.
Больше жизни степь да воля –
Нет конца и края нет.

Выше неба — жаворонок
С детской песней надо мной.
День, медлительный спросонок,
Уплывает в летний зной.

За степным раздольем — горы,
Даль такая, что уже
Свет родимого простора
Не вмещается в душе.

Сладко млеет август. Слышно:
Волны камышом шуршат,
И над кручею иртышской
Созревает мамин сад.

И такой над садом воздух –
И малина, и полынь!
Свечерееет — выйдут звёзды
Греть небес ночную стынь.

Ярче звёзд — сквозь ветви сада
Свет из окон дорогих.
Больше сердца — боль и сладость
Оттого, что видишь их.

В эти окна виновато
В невозвратной стороне
Въяве я глядел когда-то,
А теперь гляжу во сне.

Как же нравится мальчишке
В тесной комнатке своей
Ночь не спать, читая книжку,
И уснуть в обнимку с ней.

Как легко сквозь сад пробиться
Предрассветному лучу!
Боже мой, ну как мне спится —
Просыпаться не хочу...

Ещё трава тянулась к свету,
Ещё листва роняла тень,
Но, торопясь к исходу лета,
Короче становился день.

И, в память накрепко врастая,
Стекал к реке Медвежий лог,
И разгонялись с гор Алтая
Дороги завтрашних тревог.

И за молчаньем и словами
Была пока что не слышна
Печаль о том, как быстро нами
Тот день был вычерпан до дна.

РЫБАЧОК

Солнце с ласковой истомой
Гладит облако лучом
Над базальтовым разломом,
Над могучим пихтачом.

Без привала-перерыва,
Как солдатик на плацу,
Я иду меж двух обрывов
По Восточному Кольцу.

Исхожу горячим потом
На спине и на лице.
Поворот за поворотом
К небу тянется шоссе.

Лето перечною мятой
Прорастает сквозь базальт.
Детство мне босые пятки
Обжигает об асфальт.

Где-то к вечеру поближе
Перевал перевалю.
На ушицу пескаришек
В быстрой речке наловлю.

На ушицу пескаришки –
Дело верное почти.
А пока шагаю выше,
Вся дорога впереди.

Вся дорога в жизнь длиною.
Все пескарики в реке.
Все мечты мои со мною.
Всё богатство в рюкзаке.

БАБА ШУРА

Яблоня серёжкой на ветку
Прицепила первую звезду.
Мышь шуршит, и падают ранетки
В добром бабы Шурином саду.

Вновь за бабы Шуриной оградой
Смешивает август неспеша
С тёплым духом яблонного сада
Нежную прохладу Иртыша.

И опять не спится бабе Шуре,
Хоть вставать ни свет и ни заря.
Погасила лампу в абажуре –
Правда, ну чего палить зазря?

В горнице, большой, пустой и тёмной,
Баба Шура никого не ждёт –
Всё живёт одна, живёт и помнит
Месяц август, сорок третий год.

Мышь шуршала, падали ранетки,
От реки тянуло сквозняком.
Было тихо-тихо у беседки,
Только шёпот слышен далеко.

Голосом пригож и ликом светел
Был хороший парень с Иртыша.
И была в военном сорок третьем
Баба Шура очень хороша.

Вот мама трудно разгибает спину,
Вот дед стирает горький пот со лба...
Сквозь беды все и все бывшие вины,
Как жизнь сама, течёт моя Ульба.

О сколько в ней песочка перемыто,
Через какие дали и века
Текла она, никак не знаменита,
Родимая сибирская река...

* * *

На плечах загорелого лета
Беззаботен мальчишка-июль.
В жарком поле прохладного ветра
Не дождёшься, хоть день карауль.

В жарком поле несмятые травы
Не гуляют широкой волной:
И налево пойдёшь, и направо –
Только сонный колышется зной.

Только тихо струится над степью
Золотая и синяя даль,
И, от света, наверно, ослепнув,
Кобчик в небе рисует спираль.

Что ему с высоты не открылось,
Честным сердцем предчувствует он...
Всё мне кажется: лето приснилось,
И никак не кончается сон.

Только осень торопится следом,
А её догоняет зима,
И весна, пропадавшая где-то,
Снова сходит и сводит с ума.

И опять, подступив незаметно
(Мысль, признаться, была — доживу ль?),
На плечах загорелого лета
Улыбается мальчик-июль.

* * *

Над высоким над обрывом
По-над берегом крутым
От костра ползёт лениво
Низко стелющийся дым.

Шелестит сухой осокой
Бриз, уснувший в камыше.
Что-то смутно издалёка
Улыбается душе.

И в октябрьском убранстве
Несказанно хорошо
Это время и пространство
Над привольным Иртышом.

За рекою лес да поле.
Птичий хор ласкает слух.
И такая в мире воля,
Аж захватывает дух.

А под берегом горбатым
Ждём поклёвки пескаря
Я да оба младших брата,
Молодые, как и я.

* * *

Тихо-тихо. Речка вьётся тихо.
Тихо серебрятся облака.
Девочка, не ведавшая лиха,
Молча машет мне издалека.

Господи, скажи, что это было!
С речкой, облаками и со мной,
С девочкой, с касаткой сизокрылой,
Над родной летящей стороной.

С домиком с окошками в окладе,
Ставенкой с ромашкой полевой,
Со скамейкой в тихом палисаде,
С бочкою с водою дождевой...

Тихо. Тихо девочка уходит,
В сердце поселяя непокой.
Тихо звёзды в небе хороводят,
Тихо светит месяц над рекой.

Ночь. Ни звука. Тихо перевозданно.
Пусть петух скорее запоёт!
Мама встать попросит рано-рано.
Я теперь послушаюсь её.

* * *

Свечерело, и небо над нами
Затопило ночной тишиной.
Вновь горят, словно свечи во храме,
Наши звёзды над нашей землёй.

И в смущённое сердце лучится
Тихим светом сама благодать,
А о том, что с утра приключится,
Вечеру бесполезно гадать.

От звезды над отцовским порогом
До прощальных предвечных огней
Все мы, грешные, ходим под Богом
И не ведаем доли своей.

Но спокойно, и просто, и мудро,
Соблюдая свой срок и черёд,
Тает ночь, занимается утро,
Гаснут звёзды, и мама встаёт.

Просыпается солнце родное
Над широкой сибирской рекой.
Левый берег — село дорогое.
Правый — город, навек дорогой.

Трудно будет потом и легко мне
И на том, и на том берегу.
Правый берег до боли запомню.
Левый берег забыть не смогу.

Мне б закинуть котомку на плечи
И домой побежать босиком!..
Первый берег далече-далече.
А второй — далеко-далеко.

* * *

Там, в задальности, в той стороне,
Где молоды мы и вечны,
Весна летела вдогон весне
И лето звала на встречу.

Там закружила весна сейчас,
Ветрами хмельными полнясь.
Там время наше забыло нас,
Уже и себя не помня.

Там так сердца с весною сошлись,
Так беспечны мы, так смеёмся,
Как будто вышли слегка пройтись
И скоро назад вернёмся.

* * *

Река уверенней текла,
Надёжнее светило солнце,
Ко всем — друзьям и незнакомцам —
Душа доверчивей была.

Отец открытой дверь держал,
Любителей полночных споров
И философских разговоров
Он не критично обожал.

Гостей не нужно было звать,
Вечор в любые дни недели
Они сходились, и шумели,
И оставались ночевать.

И в тесном кухонном углу
Посуду мама прибирала.
И, в ноги скинув одеяла,
Братишки спали на полу.

Я мало в жизни понимал,
Но верил я — наш дом огромен,
И представлял, что в нашем доме
Солдаты сделали привал.

Кружились звёздные миры.
Стучали ходики упрямо.
И раньше всех вставала мама,
Нас не тревожа до поры.

* * *

Ещё не знал я звёздных карт и лоций
И чуб на бескозырку не сменял,
И на «Ижах» чужих и на «Ковровцах»
Без прав по доброй родине гонял.

Не увлекаясь журавлями в небе,
Я раненных синиц с руки кормил,
И приносил в кормушки сало с хлебом,
И в чистой речке пескарей ловил.

Ещё, не зная слёз и судеб вдовьих,
Девчонки и открыто, и тайком
Меня любили первою любовью,
И я любил их, не признавшись в том.

И каждый день казался бесконечным,
И, глупый, всеми фибрами души
Я так спешил годам своим навстречу,
Так сильно жить и чувствовать спешил!

За запахом тайги и за туманом
Летел, боясь чего-то не успеть,
Мечтая долететь до океана,
Чтоб с берега хотя бы посмотреть.

Но как же мир безжалостно просторен,
Как далеко уходят корабли...
Ты можешь как-нибудь прожить без моря –
Без родины попробуй проживи.

* * *

Приснилась мне родная сторона:
Заря взошла, и я из дому вышел,
И только тишина была слышна —
Такая, что её и небо слышит.

И так чиста была её душа,
Так трепетна, что мне ещё не снилась,
Что и дышать хотелось не дыша,
Чтоб даже и слеза не покатилась.

Чуть-чуть, едва-едва, слегка-слегка,
Как будто тишину спугнуть боялись,
Седых вершин касались облака,
Или вершины облаков касались.

И с высоты, из дали голубой,
От облаков, целующих вершины,
Необъяснимый нисходил покой
И обнимал цветущие долины.

И так спокойно на земле жилось,
Как будто всё, о чём жалеть придётся,
В родном краю ещё не началось
И никогда, вовеки, не начнётся.

Шли мы за колонною колонна
Самых спелых призывных кровей.
А отцы стояли вдоль перрона,
Вглядываясь в лица сыновей.

Щурились, вздыхали потаённо,
Помня всё, что испытать пришлось...
Далеко от зданий станционных
«По ваго-онам!» — эхом разнеслось.

Тополя за окнами проплыли,
Растворясь в высокой синеве.
Облако прогретой солнцем пыли
Долго оседало на листве.

Семафоры впереди открыты.
Послужить Отчизне пробил час.
Как дела на станции Защита,
С той поры зависит и от нас.

* * *

Борта, надстройки, рубки, мачты...
Волна в бетон причальный бьёт.
Всё — не в кино, и это значит —
Ты, брат, служить попал на флот.

Ты, брат, попал на флот, и значит —
Прощай, спокойное житьё.
Борта, надстройки, рубки, мачты
Теперь владение твоё.

Оно твой смысл, твоя идея,
Твои Москва, Париж и Рим.
Оно решительно владеет
Тобой, как ты владеешь им.

И всепогодно, безраздельно
Не бог, не царь и не герой,
А распорядок корабельный
Твоей командует судьбой.

И ты, с душой морской не споря,
Внушаешь другу и врагу,
Что больше жизни любишь море,
Как подобает моряку.

Моряк — моряк и есть, а всё же,
Тропой отцовскою пыля,
Всех и любых морей дороже
Тебе родимая земля.

Там в родниках вода живая,
И светлым днём и в час ночной
Ни сна, ни отдыха не зная,
Ждёт возвращенья ангел твой.

* * *

Ты не знаешь, как сердцу желанна
Обожжённая солнцем земля,
Как в горячую грудь Казахстана
Бьют копыта лихого коня;

Как под ветром колышется грива
И летит вдоль дороги ковыль,
Как бежит среди гор торопливо
Беспокойная речка Урьль.

Там в горах тают ветры столетья,
Там как жизнь бесконечен простор,
Как моря разливаются степи
От подножий обветренных гор.

И, родным зачарован пространством,
Кем бы как бы куда бы ни зван,
С непонятным тебе постоянством
Я поехать хочу в Казахстан.

Побывав там, ты понял легко бы,
Отчего я так дьявольски рад,
Что, в твоей прописавшись Европе,
Я остался душой азиат.

1970. Киев

* * *

И живы чудища доселе...

Павел Васильев

Там вечность заблудилась в тугаях
И на белках* все лета снег не тает.
Там живо всё — от сладкогорлых птах
До каменных морщин Тарбагатая.

Вернись туда!

Там песнь твоя слышна.
Ты сам увидишь, возвратишься если:
Степная крепкокрылая весна
Летит на зов твоей горячей песни.

Вернись туда! В родимой стороне
Тебя поймут и ни о чём не спросят.
Ещё не поздно. Свет горит в окне.
И свет-Наталья распускает косы.

Что птица-гусь? Ведь жив ещё орёл!
Что рыба-язь? Есть чудища доселе...
Твои скитанья — что ты в них обрёл?
Твои друзья — зачем ты им поверил...

Прости их всех и воротись домой.
Зайсан глубок. Разбой иртышский гулок...
Взошла звезда над вольной Бухтармой
И — рухнула в московский переулок.

* Белки – вершины гор на Алтае, на которых никогда не тает снег.

* * *

Припоминаю даты, лица,
Волнуюсь, время тороплю –
Я снова еду поклониться
Земле, которую люблю.

По медленной, по скорбной тропке
Среди оград и серых плит
Взойду на склон алтайской сопки,
Где мама сном последним спит.

Над ней родные стыннут звёзды,
Протяжно плачет дождь косой,
И дышит предрассветный воздух
Полынью, мёдом и росой.

Над ней в волнующемся зное
Дремотно млеет синева;
Шумит, не ведая покоя,
И тихо падает листва.

Там долго снег лежит, не тая,
Слеза горька, печаль остра.
Там — выше всех вершин Алтая –
Моя поклонная гора.

Там незакатно солнце детства
Над памятью ушедших дней,
Моим единственным наследством –
Далёкой родиной моей.

* * *

Снова старую память латаю,
Возвращаюсь к истокам судьбы.
Я прописан душой на Алтае,
У крутых перекатов Ульбы.

Впрок отмерено хлеба и соли,
И, промаясь неделю в купе,
Я уйду по знакомой до боли
И уже незнакомой тропе.

Сопки сделались выше и круче,
Жестче — россыпь гранитной дресвы.
А какие под осень колючки
Вырастают средь мягкой травы!

Что тут скажешь? Видать, миновало
Время быстрых и лёгких дорог.
Неторопко сойду с перевала,
Разложу у реки костерок.

Все как прежде. И берег отвесный.
И берёзок знакомых гурьба.
Неприметное вроде бы место.
Детство. Родина. Память. Судьба.

* * *

Пусть упадут незрячие дожди
И отсвистят погибельные ветры,
Все меньше остаётся впереди
Коротких дней и длинных километров.

Разлука мне привычна, с давних пор
Её любовью был мой путь отмечен.
А время мчится как лавина с гор,
А даль родная всё летит навстречу.

Я многого у неба не прошу;
Мне, в общем-то, земных плодов хватает.
Но не пойму, куда я так спешу,
Сам от себя все больше отставая?

А час мой неизбежный, он придёт,
Ведь он ко всем когда-нибудь приходит,
Я попаду в последний переплёт
И пропаду, как бы и не был вроде.

Но, может быть, в родимой стороне
Однажды ветер просвистит над лугом
И дождь слепой заплачет обо мне:
«Не зря, видать, он привыкал к разлукам...»

* * *

Мы были юными когда-то
И иногда по вечерам
Ходили в «Мир» — кинотеатр,
Из всех других ближайший к нам.

Мы не однажды попадали
На старый фильм раз пять подряд
И, если были, покупали
Билеты на последний ряд.

В уютном тёмном кинозале,
Где кресел не было пустых,
Без титров и без звука гнали
Одно кино для нас двоих.

Ещё я помню то столетье,
Тот «Мир», тот лад, эпоху ту,
Где мы, счастливые как дети,
В последнем обнялись ряду.

Сидим у самой стенки тихо.
И смотрим. И кино идёт.
Горит у рампы шильдик «Выход».
Но нет нигде таблички «Вход».

* * *

Дождь не пролился, не упал –
Дождь океаном с неба рухнул,
Как будто белый свет пропал.
Совсем. Ни слуху и ни духу.

В такие дни не слышу я
И собственных сердечных стуков,
И лишь вселенский шум дождя
Становится доступен слуху.

В душе такой водоворот,
Так время тратится обидно,
Так долго ждать, что дождь пройдёт,
И станет всё светло и видно!

Я сам не свой в такие дни,
Я сам с собой живу в разлуке.
И смысла нет, друзья мои,
Меня разыскивать в фейсбуке.

Вам кажется, что умер я.
Но я, забыв пустые споры,
Ушёл в бескрайние моря,
В далёкие поднялся горы.

С родных отеческих равнин,
Из океанского безбрежья,
С крутых подоблачных вершин
Я вижу мир ясней, чем прежде.

Смотрю на запад и восток,
На зюйд и норд и вижу ясно:
Бесстрастно время, век жесток.
Даль неоглядна. Жизнь прекрасна.

* * *

Родниковый, обветренный край
Грустью долгой
 разлуки пронизан.
Как далёк ты сегодня, Алтай!
Как ты стал
 удивительно близок!

Вдруг пробьёшься
 лучами зари
Сквозь туман
 океанских рассветов,
Обогреешь мои январь
Добротой
 прииртышского лета.

От заветных речных омутков,
От разлива черёмухи спелой
Как уверенно, как широко
Ты раздвинул родные пределы!

Я с тобою на пост заступал,
Поднимал якоря по тревоге,
Если падал, то снова вставал
На крутых поворотах дороги.

Заштормит на душе и в судьбе –
Успокоят твои листопады.
Для меня возвращенье к тебе –
И мечта, и итог, и награда.

1970, Севастополь

* * *

Мы собирали марки, книги,
Дороги, встречи и мечты,
Меж прошлым и грядущим мигом
Сводили хрупкие мосты.

Мы были разными, конечно,
Но одинаковыми в том,
Что трепетно, светло и нежно
Носили в сердце отчий дом.

Сегодня многим не понятно,
Как дружно пели мы в строю,
Как горячо и необъятно
Любили родину свою.

Что можно без препон плодиться,
Кормиться от родной земли
И над родной землёй глумиться,
Мы и представить не могли.

Мы строили и воевали,
В палатках жили и в стихах,
И согласимся мы едва ли,
Чтоб нас держали в дураках;

Чтоб стала отчая сторонка
Для нас чужой на склоне лет,
Чтоб нам какие-то подонки
Сочувственно глядели вслед.

Ещё, да будет всем известно,
Не мы, но жизнь докажет им,
Что умникам иным полезно
Сочувствовать себе самим.

* * *

Будто снится: на даче у брата,
Где давно уже я не бывал,
Опадала листва виновато,
Виновато закат догорал.

В угасающем свете заката
Почему-то опять и опять
Обо всём, что забыла когда-то,
Начинала душа вспоминать.

Замирала душа на мгновенье,
И звучали как музыка в ней
Тишина звездопадов осенних
И прохлада весенних дождей.

А на речке, где ива уснула,
Потихоньку темнела вода,
И под ивою небо тонуло,
Но уже выплывала звезда.

И луна восходила, сияя,
Чтобы в нашем саду погулять.
Сад светился, и мама, вздыхая,
Заводила будильник на пять.

Тихо тьма наплывала на окна,
И казалось, что времени нет.
Только бабочки бились о стёкла,
Пока в окнах не выключен свет.

* * *

Я побыл на родительских могилах,
В тени густевшей тучи грозовой
Согретых посреди камней остывших
Озябшей постаревшею травой.

Давно завяли марьины коренья,
И стих над ними птичий пересвист,
Лишь в хрупкой тишине лесов осенних
Дрожал ещё не облетевший лист.

Зима и эту осень подытожит,
Сама до первых дней весны жива.
О как же мы безжалостно похожи,
Дрожащая последняя листва!

Как дружно наши ветры присмирели,
Как близко наши вьюги подошли,
Как быстро наши реки обмелели
И марьины коренья отцвели!

А сердце не боится и не просит
Того, что завтра сбудется с тобой,
Когда в полнеба полыхает осень
Ещё не облетевшею листвой.

А ты и не в конце, и не в начале –
Так звёзды этой осенью сошлись,
Что старые закончились печали,
А новые ещё не начались.

И сердце, этой осенью хранимо,
Другой какой-то осенью поймёт,
Зачем ему так знать необходимо,
Когда листва на землю упадёт.

* * *

Там всё досмертно дорогое:
У тополя белёный дом,
Гнездо касатки под стрехою,
Пёс, ночевавший под крыльцом.
Там к золотому окоёму
Текли по взгорочкам родным
И пламя белое черёмух,
И яблонь розоватый дым.
Там небогатый, но весёлый
Народ не праздновал хандры,
И дружно днём жужжали пчёлы,
А ночью пели комары.
Там столько воли и покоя
В траве лесной, в речной воде,
Там было многое такое,
Чего уж не было нигде:
Братишки, мама, пьющий редко
Отец, хорошая родня,
И рыжекосая соседка,
Что растревожила меня,
И встреча рук, и тайна взора,
И в палисаде, в затишке
Слова простого разговора
На милом сердцу языке.

* * *

Вновь уезжать на станцию Защита,
И, тронутый попутным ветерком,
Мне клён махнёт цветаевским, забытым,
Боль всех разлук запомнившим листом.

Снег или дождь пойдёт, густой ли, редкий,
Тьма испугает, обнадёжит свет –
Он тихо упорхнёт с родимой ветки,
Я молча полечу за ним вослед.

Легко нагрянут сроки поделиться
Прощальной чаркой с другом дорогим
И с недругом навеки породниться
Последним одиночеством своим.

И в памяти забывчивой воскреснет
Защита, май, полдневный вешний зной,
И кто-то молодой затянет песню,
Когда-то здесь разученную мной.

А жизни нескончаемая повесть
Продолжится, когда на склоне дня
Опять сюда придёт знакомый поезд
И отойдёт отсюда без меня.

Но я пока судьбою не дочитан,
И рыжий лист не хочет облетать,
И мне опять на станцию Защита
И уезжать, и приезжать опять;

Прощаться снова и встречаться снова,
Пока моя дорога вдаль бежит,
Пока душа расстаться не готова
Со всем, что ей навек принадлежит.

* * *

Прозрачен день. Подвижна тень берёз.
Светла река с крутыми берегами.
Горяч песок. Остужен ветром плёс.
По берегу, с откоса на откос,
Тропа босыми выбита ногами.

Я помню эту сказочную быль,
Я знаю, как добра душа Алтая,
Как под копыта стелется ковыль,
И следом долго оседает пыль,
И птица быстро в облака взлетает.

Родимый край! Я сердцем здесь прозрел.
В моей крови — земли моей железо.
И вдалеке, среди самых важных дел,
Я не забыл, как маленький пострел
Той самой пылью посыпал порезы...

Как мало и как много надо нам:
Жить, ни на что на свете не в обиде,
Не сетуя ни людям, ни годам,
И просто просыпаться по утрам,
И каждый день родную землю видеть.

* * *

Парк. Скамейка. Вечер на закате.
Танцплощадка. Летний клуб. Кино.
Тонкий ситчик девичьего платья.
Форменное флотское сукно.

Много ли у нас осталось танцев?
Где, кого, какие фильмы ждут?
До конца последнего сеанса
Несколько волнительных минут.

В кадре легендарная папаха,
Бурка за чапаевским плечом.
В тёплом небе над затихшим парком
След «Востока» не остыл ещё.

В городе ни бедных, ни богатых,
Ни бомжей ещё в проекте нет
На излёте лет шестидесятых,
Лучших — мы потом узнаем — лет.

Хорошо сидеть с тобою рядом,
Словно мы знакомые давно.
На земле и в небе всё, как надо.
Светят звёзды. Крутится кино...

* * *

Кафтаны отряхнём от звёздной пыли,
Живой водой ополоснём усталость.
Там, далеко, где мы недавно были,
Нас больше нет, но что-то же осталось
От той реки, где мы во время оно
Крутыми любовались берегами,
Куда плоты гоняли плотогоны,
Где нас будила Русь колоколами.

Войдём в светлицу и затопим печку,
Раздуем, чтоб смелее разгоралась,
И вспомним о былом, пускай навечно
Оно ушло, но что-то же осталось,
Допустим, от дождей, что поливали
И дол, и холм студёною водою,
Чтоб из колодцев люди воду брали,
А звери приходили к водопою.

Там, где когда-то с этими и с теми
Сбывалось что-то, что-то не сбывалось,
И навсегда, а может быть, на время
Пропало всё, там что-нибудь осталось
От трепета ручьёв, бежавших к морю,
От запаха черёмух над ручьями,

От пенья птиц, присевших на заборе,
От облаков, поднявшихся над нами.

Смешно, допустим, танцевать от печки,
Но где, как не у печки, согреться?
И этот день пройдёт, и этот вечер,
Но что-то и от них должно остаться –
К примеру, дождик и ручья разливы,
Родник прозрачный и колодец полный,
О чём нельзя забыть, пока мы живы,
И кроме нас никто не станет помнить.

* * *

Весной никто не помышлял об осени,
И город не предчувствовал беды,
Когда явились заморозки поздние
В его теплолюбивые сады.

В садах цветущих вдруг такое сделалось,
Что стало им до боли в сердце жаль
Родной весны, которая надеялась
На сладкий и богатый урожай.

Застигнуты врасплох судьбою зябкою,
Застыли и деревья и цветы,
Забыв о том, как солнце райским яблоком
Катилось по садам Алма-Аты.

Как часто, даже вспоминать не хочется,
Такие нас погоды стерегли,
Что мы не знали, чем они закончатся,
И ничего поправить не могли.

1987, п. Октябрь под Алма-Атой

* * *

Как много того, что дарила,
Что знала родная земля,
Что мама моя говорила,
Что папа скрывал от меня,
Что памятью горькой и сладкой
В моей отзывалось душе,
Не сразу, как будто с оглядкой,
Однако забылось уже.

А прошлое, спрятавшись в прошлом,
Нам видится дивно хорошим.

Конечно, о канувшем в Лету
Нет смысла судить и жалеть.
Но, словно не зная об этом,
Душа продолжает болеть:
Мол, жить её честно учили,
Но знали отец мой и мать,
Как много они утаили,
О чём не успели сказать.

Я знаю, добра мне хотели.
Наверно, меня пожалели.

А, может быть, я не заметил,
Когда, год от года сильней,
Узнав, как живётся на свете,
Радея о доле моей,
О том, как на милость напастям
Не сдаться в тяжёлые дни,
А в счастье не спятить от счастья,
Хотели поведать они.

Они бы мне всё рассказали.
Да сами, похоже, не знали.

* * *

Как на песчаной кромке у воды
Неспешными накатами прибойа
Беспомощные детские следы,
Смывается из памяти бывшее.

Но сердцу как-то надо дальше жить,
Отринув безответную влюблённость,
Ошибок — невозможность повторить,
Желаемого — неосуществлённость.

Я издалёка родиной дышу
В степной жаре дорогою от Омска —
От Иртыша — в верховья — к Иртышу,
За Семь Палат до Усть-Каменогорска.

Свободный Казахстан, прости меня!
Твоих путей, широких или узких,
Не обойти — здесь отчина моя,
Я буду с нею говорить по-русски.

Я знаю, ход времён необратим,
Судьба тобой и мной, как хочет, вертит.
С рожденья твой, я стал тебе чужим.
Но ты моим останешься до смерти.

* * *

Серёже

Не худо бы на летней зорьке
Забросить удочку в Иртыш,
Душой вдохнуть полыни горькой
И слушать, как шуршит камыш,
Кольшимый уставшим ветром,
Пропахшим запахом степным –
Таким любимым безответно,
Таким далёким и родным.
Уж в тех краях страна иная
И, стало быть, иной народ...
Я столько лет уже не знаю
Как там, на родине, клюёт,
Какими новыми ветрами
Качает дебри камыша,
Какая рыбка косяками
Гуляет в водах Иртыша,
Какой с утра ползёт туманец
Под сень знакомых мне раки,
Где мой братишка-иностранец
Безмолвно с удочкой сидит.

Не худо было бы на зорьке...

* * *

Сказать, хоть заплачь, невозможно,
Зачем появились на свет
И камень, и куст придорожный,
И пылью покрытый кювет.

Какое крапивное семя
Измучило землю мою?
Куда так безжалостно время
Торопится в бедном краю?

То ль грозы чертям на потеху,
То ль кара Господня над ним.
Вперёд ни пройти, ни проехать.
Назад не вернуться живым.

Обвалы. Потопы. Пожары.
Из наших вселенских невзгод
Не выйти дорогою старой,
А новая к нам не ведёт.

Что ж делать? И мы остаёмся.
И снова в положенный час
Встаёт неотступное солнце
И греет, и светит для нас.

И встретиться или проститься
Весной век за веком подряд
Наивные певчие птицы
Сюда всё летят и летят.

* * *

Словно нитка-паутинка
Меж деревьев и камней,
Речка Горная Ульбинка
Вьётся в памяти моей.

А над речкой солнце встало,
Разбудив знакомых птах...
Посидеть бы, как бывало,
На прибрежных валунах.

Вроде путь туда недолог,
Да мосточки сожжены.
Отчий край! Родной осколок
От прадедовской страны.

Надо ж было так случиться!
Я в смятении большом:
То ль родился за границей,
То ль живу за рубежом?

Но когда в земле приморской
Навсегда забудусь я –
В небо Усть-Каменогорска
Улетит душа моя.

БАЛЛАДА О ДЯДЕ ЛЁШЕ

На кладбище в степи под Жоламаном,
Где золотой костыль забил Турксиб,
Мы с тётей Нюсей вышли утром рано.
Пешком. Там нет трамваев и такси.

Мы долго шли к могилке дяди Лёши.
Пустую даль качали миражи.
Дядь Лёша, в общем, был мужик хороший,
Ну разве лишку примет для души.

Он пел, шутил и жить умел со вкусом,
И весело, не кланяясь годам,
На «Запорожце» колесил с тёть Нюсей
По этим историческим местам.

Ещё давно, когда я был моложе,
Роман известный волновал меня,
Читал я: «Человек меняет кожу».
Как видно, до сих пор не поменял.

Лишь вороньё взнялось над Жоламаном,
Когда не помутился белый свет,
Но кучно — знать, стрелявший не был пьяным —
Влетела дробь в кладбищенский портрет.

Фарфоровый портрет на пирамидке,
От боли покосившейся чуть-чуть, —
Нехитрые дорожные пожитки
Ушедшего навек в последний путь.

Всё, как везде, недорого и просто:
В краях родных сыскать нетрудно их —
На русских неприкаянных погостах
Былой порой не ставили других.

Свидетели расстрелянного века,
Они глядят из тьмы и немоты
И где-то там, в окрестностях Бишкека,
И здесь, недалеко от Алматы.

И вся любовь! — сказал бы дядя Лёша.
И вся любовь не то, что трин-трава.
Как часто в ситуациях несхожих
Звучали дяди Лёшины слова!

Но были неожиданно уместны,
Понятны для друзей и для врагов.
Мне кажется, сейчас из поднебесья
Он тихо говорит: и вся любовь...

Палящий зной. Безмолвье.

Пыль да камень.

Песок, трава и чахлые кусты.

И звёзды заржавевшими рядами.

И дробью посечённые кресты.

Дядь Лёша, мы тебя не забываем.

Прости, что мы не виделись давно,

Прости, что на родной земле бывает,

Чему бывать на свете не должно.

Ты там, дядь Лёш, за нас проси прощенья,

А нам пока молиться можно тут.

Пусть будет роду нашему спасенье,

А нелюдей молитвы не спасут!

БЕЗДОРОЖЬЕ

Глушаковым

Путь далёкий. А времени горстка.
Снег дорогу укрыл глубоко.
Далеко ли до Лениногорска?
Отвечают ветра: далеко.

Вот и всё. Ни пройти, ни проехать.
Занесло выше крыш Зимовьё.
Пролетит запоздалое эхо
По горбатым хребтам: вот и всё!

Прокричит над селом
Черемшанкой,
Колыхнет на лету Ульбастрой,
Затрепещет, застонет подранком,
Пропадёт за Козлушкой-горой.

На последней тоскующей ноте
Упадёт в тишину, в забытьё...
Как подранок, я сам на излёте.
Неужели и впрямь вот и всё?

Ветер, что ли, откликнется где-то –
Дальний голос едва различим:
Далеко ли до красного лета?
Вот дождёмся, а там поглядим.

* * *

Степь, в ковыли стекая по угорам,
Река и даль за поймою речной
Полны таким пронзительным простором,
Такой проникновенной глубиной,
Что чудится: никто со дня творенья
Не пролил здесь ни крови и ни слёз,
Никто не знал гордыни и сомненья,
И слов худых никто не произнёс,
А мир, земною правящий судьбою,
Лежит во зле, но всё-таки ничем
Не виноват никто перед тобою,
И нет вины твоей ни перед кем.

Чак или чак? Венец или венок?
Какой в горах и долах призрак бродит?
Чему теперь назначен крайний срок?
Чак или чак! Столетье на исходе...

1988. Горно-Алтайск.

НЕРИФМУЮЩИЕСЯ СТРОКИ

В переполненном проезде трамвае,
пустынным просёлком
пройду по родимой земле;
с попутчиком давним,
с нечаянным встречным
перемолвлюсь словечком.
В деревне Топихе
послушаю молча,
что о жизни народ говорит.
Сердце сильней заболит.
Мы скверно живём,
неправильно,
незаслуженно трудно.
Чем лучше отдельным из нас —
нечестным, нечистым,
тем хуже всем остальным.
Родине хуже.
Смирение паче гордыни.
Я потерплю.
Но — Родина...

Дек. 1989.

* * *

Беловодье, моё Беловодье,
И погибель моя, и спасенье;
Вешний яростный шум половодья,
Тишь задумчивой дали осенней.

Кое-что я, наверное, знаю
О земле, понамаявшись с нею:
Есть одна в целом свете родная –
Ничего не бывает роднее.

Эти вётры над грустью речною,
Этих быстрых ветров дуновенье...
Что ещё приключится со мною,
Не имеет большого значенья.

Беловодье моё, Беловодье,
Березняк да пихтач на угорах.
Чей там голос ко мне не доходит,
Чьих шагов не доносится шорох?

Камни, мохом согретые, дремлют,
Будто вечны они под луною.
Я бы мог позабыть эту землю,
Но она неразлучна со мною.

То задышит прохладно и волгло,
Умываясь слепыми дождями,
То, нырнув в листопад ненадолго,
Затаится, уснув под снегами.

Я её, дорогую, увидел
Беззащитной по-детски и милой,
Словно я её чем-то обидел,
А она мне обиду простила.

Словно всё, как вначале, не поздно –
Так зовуще, так нетерпеливо
Машут крыльями чайки и сосны
С берегов Голубого Залива.

Так в прорехах седого тумана
Недоступно вершины синеют,
Будто я их любить перестану,
Или кто-то полюбит сильнее...

И кто-то расчехлял ружьё, а кто-то
Уже к плечу прилаживал приклад...
А я бы запретил на них охоту,
Когда они на родину летят.

* * *

Другу детства Олегу Шелудько

Слава Богу за всё в это раннее хмурое утро
На Серegiной даче, где я не бывал столько лет,
О которой с полгода последних

вздыхал поминутно,

Собираясь в дорогу, что сердцу желаннее нет.

Слава Богу за всё в этой долгой

счастливой дороге —

Как на ней ни трясло,

как бы ни был бензин дорогим —

Средь июньских дождей,

меж дворцов и домишек убогих,

В пробегающем дне и в ночи,

пролетавшей за ним...

Мне всего полчаса

до повитых вьюнками погостов,

На которых поврозь упокоились мама с отцом.

Мама рано ушла.

Объяснить это страшно и просто:

Мучил батя, отравленный рваным

немецким свинцом.

На каких пустяках — на богатстве?
на силе? на славе? —
Время сходит с ума,
я, признаться, никак не пойму.
Мне уже ничего не спасти,
не вернуть, не исправить,
Ничего не сказать и ничем не помочь никому.

Слава Богу за всё на цветущей Серёгиной даче,
Где восходы мои до прощального дня сочтены.
Дай Господь всем живущим
добра и законной удачи
И картошки на стол, чтоб хватило до новой зимы.

Я пакую вещички к отъезду, билет уже куплен.
Опадает под ветром на клумбе отцветший пион.
В огороде трясёт рукавами тряпичная кукла,
Веселя воробьёв и смешая обнаглевших ворон.

Это утро пройдёт, как прошли и давно и недавно
Состоявшихся встреч
неизбывная радость и грусть.
Пусть останется светлое светлым,
а главное главным,
Пусть останется вера, надежда останется пусть.

Пусть струится ковыль
на рассвете холодном и тусклом,
И грустит чернотал, и шуршит над водою камыш,
И Ульба, не однажды от века менявшая русло,
Без меня в том же месте
спокойно впадает в Иртыш.

Пусть живут мои друзья,
уже их не очень-то много.
Пусть на реках родимых ломается лёд по весне.
Пусть проходят дожди,
и опять просыхает дорога,
По которой, быть может,
братишка приедет ко мне...

* * *

И хорошо бы вновь вернуться,
Да и большого горя нет
В том, что дороги не сойдутся
Со всем, на чём сошёлся свет,

С чем в добрых, но иных пределах
Сквозь расстоянья и года
Душа и плакала, и пела,
Не разлучаясь никогда.

Не видно берега родного,
Но снова как трава весной
Из памяти живе́й живого
Он вырастает предо мной.

Мой грустный сад, приют мой давний
В лучах проснувшегося дня –
На окнах растворяет ставни
Мой свет, сторонushка моя.

Сейчас весёлая кибитка
Подкатит, полная родни,
И скрипнет старая калитка –
Ты только руку протяни.

И зашумит волна речная
О том, как берег мой живёт,
Чьих возвращений ожидает,
Кого уже давно не ждёт.

И песни русские польются
Опять по саду моему...
И хорошо бы вновь вернуться,
Да что там делать одному,

Когда лишь тоненькою ниткой
Подшита память узелком:
Поёт мой дом, скрипит калитка,
Стоит кибитка под окном.

* * *

Мой свет в пути, земля моя родная,
Скажи, зачем — ведь я тобой любим! —
Далёкий край, который нас не знает,
Ты звать велела именем твоим?

До горьких слёз горчит полынный запах
Моих, тобою начатых, дорог.
Ужель затем я уезжал на Запад,
Чтоб с Запада умчаться на Восток?

Опять прощаться. Сердцу снова больно —
Ведь даже боли прошлой не вернуть...
Скажи, Восток, невольно или вольно
Тобой ли, мной ли выбран этот путь?

Вчера Либава на волне качала —
Она привет Владивостоку шлёт,
И скорый за Урал из-за Урала
Так медленно со мной его везёт!

И в поезде почти у края света
Душа опять томится об одном:
А что там, что за синей далью этой,
На облаках летящей за окном?

* * *

*Нургали Сакимову – старшине
4-го отсека подводной лодки
«Буки — 833», главному стар-
шине запаса ВМФ СССР*

Обнимемся, земляк из Казахстана!
Твой путь домой —
 такой желанный путь!
Ты расстаёшься с Тихим океаном,
Увидишься ли вновь когда-нибудь?

Но помнить будешь,
 как к порядкам строгим
Внушал почтенье воинский устав,
И глубиною океанской пробы
Нас день за днём
 испытывал подплав.

Запомнишь вой сирен
 в сыром тумане,
Наш курс навстречу ветру и волне,
И толщу вод,
 смыкавшихся над нами,
И вахты в накалённой тишине.

Навек запомнишь тяжесть флотской робы,
Подлодку нашу, верившую в нас.
И пусть сейчас бербазовский* автобус
Тебя от пирса увезёт в запас.

Пройдут и год, и два — прикроешь веки,
Когда над Казахстаном ночь густа,
И вдруг приснится тишина в отсеке
И гром команд центрального поста...

1977, Владивосток

* Бербазовский – от бербаза, т.е. береговая база подводных лодок.

* * *

Победный миг! Моторам дан отбой,
И только шпиль* ещё кряхтит помалу:
Облезлой, обмороженной скулой
Подлодка прижимается к причалу.

Полгода плохо спали по ночам
В Славянке... Намангане... Кутаиси...
Полгода экипаж не получал
И не писал родным и близким писем.

Теперь другие канули во тьму
Из ночи, полной воздуха и снега...
Я к трапу сонных рук не подыму...
Как тихо стало в глубине отсека...

Когда слетел, как будто ангел, вниз
Наш почтальон с почтовыми мешками,
Мне снился сон: пророс февральский пирс
Цветущими алтайскими жарками.

1979, Тихий океан

* Шпиль – лебёдка, ворот с вертикальной осью вращения для подъёма якорей, натяжения швартовых концов и тросов.

* * *

Всякий город красив, а деревня любая прекрасна,
И у каждой души есть на свете родной уголок.
Не напрасно мне снится Алтай, не напрасно
Мне с годами всё ближе становится Дальний Восток.

Только что-то нескладно
и как-то невесело в мире,
И всё больше не всё в этой жизни душе по душе.
Как она унывает, как рвётся на запад Сибири,
Где опять побывать,
может быть, не придётся уже!

Там цветут по весне без меня
прииртышские дали,
Там душицей и клевером я надышаться не мог.
Там с родимой землёй
у меня словно сердце украли –
Слава Богу, его возвращает мне Дальний Восток.

Здесь народ работающий, и я не остался без дела.
Здесь для тех, кто ей предан,
земля и добра, и щедра.
Здесь волна на Уссури меня холодила и грела,
Как волна Даугавы и тёплая хвыля Днепра.

Здесь друзья и соседи меня земляком называют –
Так меня называли в родимом алтайском краю.
Здесь, бывает, грущу,
но не только от грусти, бывает,
С земляками моими любимые песни пою.

Может быть, всё равно,
где смотреть голливудские байки,
И мечтать о былом всё равно,
то ли там, то ли тут,
Всё равно, за окном Лондон Сити,
Кингс-Кросс или Брайтон –
Там, возможно, неплохо не только евреи живут.

По причине какой, безо всякой причины,
не знаю,
Я, забывший про многих,
забыть не могу про тебя,
Мой соклассник, лихой нападающий
с левого края,
Самый смелый и сильный
из наших неслабых ребят.

Где ты счастье нашёл, где гуляешь по лесу и лугу,
Мой земляк дорогой, на каком языке ты поёшь?
Я тебе написал бы как бывшему лучшему другу,
Только адреса, видно,
ты мне никогда не пришлешь.

Мы и рядом и врозь навсегда,
как вчера и сегодня.
Неродная земля никогда не бывает родной.
Может быть, мне судьбою подарено
несколько родин.
Как мне жалко тебя, у которого нет ни одной.

ЗЕМЛЯК

Николаю Долбилкину

Земле был нужен для хороших дел,
Душой ли к Богу оказался ближе:
Оберегало небо — в шахте выжил,
Судьба хранила — в танке не сгорел.

Во снах полвека — взрывы и пальба,
Над полем танк стволом горячим водит...
Но чаще всё же снится Беловодье:
Дом... Белкина гора... река Уба...

Три Брата подпирают небосвод –
Три снежных шапки, белые на синем.
Родной Алтай. Великая Россия,
Поднявшаяся снова из невзгод.

2002, Хабаровск

* * *

Клименту Первушину

Пусть не простит бродяг Лениногорск,
Но, есть надежда, не осудит строго:
Не догадались мы хотя бы горсть
Земли алтайской взять с собой в дорогу.

Рёв шторма у Европы на слуху,
А я попал в балтийцы ненароком.
Кораблик мой на траверзе Муху,
Но не бывает родина далёкой.

А мы о том не знали наперёд,
Но было так замыслено судьбою,
Что и меня встречу солнца унесёт –
Мы там могли бы встретиться с тобою.

И днём и ночью Риддер на уме.
Калёным снегом северо-востока
Заносит твой балок на Колыме...
Нет, не бывает родина далёкой!

До Беловодья не рукой подать,
Скорей наоборот — лаптём по карте.
Но отчина зовёт к себе опять
Зимой и летом, в сентябре и в марте.

Вернулся ты, а мне не суждено.
И было бы смертельно одиноко
Без тех белков, что видишь ты в окно,
Да не бывает родина далёкой.

* * *

Полжизни миновало — недалече
От той непродолжительной весны,
Где мятой зарастает место встречи,
Которою мы были смущены;

Где, майским вдохновеньем окрылённый,
Жил соловей, и от его рулад
Хмелел, счастливо сам в себя влюблённый,
Сиренево-черёмуховый сад.

Он волновался юною листвою
И ветром легкомысленным дышал,
А соловей свистал без перебою
И до утра не спать нам не мешал.

Под балдахином ночи луноликой,
В дрожащую закутываясь тень,
Тонули трели, шёпоты и вскрики,
Черёмуха, и мята, и сирень...

* * *

Алтайским солнцем грелось лето,
Репейник млея в тени оград,
И дух зелёного ранета
Вдыхал, хмелея, мамин сад.

Повита вечной муравою,
Песочком времени шурша,
За сонной дачною межою
Текла тропа до Иртыша.

Там небо на волнах качалось,
И у прибрежных камышей
В прозрачной заводи купалась
Моя улыбка до ушей.

А на яру за черноталом
Под сводом старых тополей
Звенел любимый голос мамы,
Досмертной радости моей.

То лето где-то затерялось,
Но стало в памяти слышной,
Как мама весело смеялась,
Как я смеялся вместе с ней.

И делом оставалось малым –
Смириться с правдою простой,
Что смех печальным был у мамы,
Что есть на свете смех такой.

И у знакомцев чужедальных,
И у соседей за стеной
Я буду слышать смех печальный,
И мне он станет как родной.

Зато откроется едва ли
Сквозь расстоянья и года,
С чего нигде смешной печали
Я не увижу никогда.

* * *

На миг пришёл, навек уйдёшь
И знать о том не будешь.
Но жалко — всё, чем здесь живёшь,
Наверно, там забудешь.

Вкус хлеба, запах чабреца,
Привядшего от зноя;
Горящие глаза отца,
Задетого войною;
Родных братишек в беге дней
Скупые телеграммы,
Рукопожатия друзей,
Глаза и слёзы мамы...

Мир был добрей, когда пекла
Она пампушки с маком,
Когда — хоть изредка — могла
От радости поплакать.

Но, может, правду говорят,
Что жизнь идёт по кругу,
А души по прямой летят,
Чтоб встретиться друг с другом.

В прохладе межпланетной тьмы,
В просторе жизни вечной
Как сладко будем плакать мы,
Когда дождёмся встречи!

* * *

Уже почти декабрь в Приморском крае,
И небо заливается свинцом.
С утра аврал. Я снова отъезжаю
Навстречу детству, к матери с отцом.

Там в светлой дали, над Иртыш-рекою,
Где жизнь была ещё добра ко мне,
Среди оград у вечного покоя
Мне есть о чём подумать в тишине.

Ну, например, о том, что мы не знаем,
В какой неотвратимый день и час
Свои дороги сами выбираем,
Или дороги выбирают нас.

Сюжет один, да замысел неведом,
И не угадан неизбежный путь...
Когда-то я последний раз уеду,
Вернусь последний раз когда-нибудь.

Всё навсегда и до конца случится –
Не знаю, в той ли, в этой стороне
Когда и чем дорога завершится,
Но только бы хватило часа мне

Обнять друзей, с кем вместе жили-были,
Болели и мечтали об одном,
И радость, и беду как хлеб делили,
И песни пели за одним столом.

* * *

Зачем я у далёких берегов
Так долго беззаветно штормовал?
Я этим летом не дарил цветов,
Я в эту осень яблоки не рвал.

Всё получилось проще и грубей:
Проехал зиму, проскочил весну.
Я это время задолжал себе,
И, хоть стреляйся, долга не верну.

Мне кажется, что я живу в плену,
Что будет нескончаем этот плен,
Где ни беду не сгладить, ни вину,
Не избежать обманов и измен;

Не обвинить судьбу и не простить,
Что спят в чужой земле отец и мать,
Что ни о чём их больше не спросить,
И мне уже им нечего сказать.

Свободный, староверский, ссыльный край
И за границей будет мне любим,
И, что бы ни случилось, мой Алтай
Останется отечеством моим.

* * *

Кто чем гордился и чего стыдился,
Не важно, если были мы дружны.
А русским ли, казахом ты родился,
Нет в этом ни заслуги, ни вины.

Нас всех ветра одной волнуют песней,
Одни дороги сводят в ковчехах,
Одною юртой под шатром небесным
Одна на всех родимая земля.

Она сегодня так живёт тревожно,
Как никогда донине не жила.
Ей запросто сойти с орбиты можно
И мёртвой пылью стать, сгорев дотла.

Отринуть можно всё и всех покинуть,
Разбиться, разлететься по кускам,
И имя позабыть своё, и сгинуть,
И вместе с ней придётся сгинуть нам.

Легко, подобно айнам или инкам,
Однажды не за шиш и без шиша
Исчезнуть, как илийская маринка,
Как осетры в верховьях Иртыша.

Куда, никто не знает, но куда-то
Убудем все, забыв про белый свет.
И там уже не будет виноватых.
Но там уже и правых тоже нет.

* * *

Что-то снова считаю не так,
Мимо денег, не в масть и не в тему.
Всех делов-то на гнутый пятак:
Не писать ни роман, ни поэму,
Не корпеть целый день у станка,
Не стоять по ночам у штурвала —
Сделать стойку, свалить дурака,
Потерпеть, помолчать для начала,
Внять и вжиться, дозреть и успеть
Лечь, отжаться и вовремя спеть
Под чужую дуду в общем хоре...
Но — шумит несговорчиво море.
Но — Иртыш безоглядно течёт.
Но — звезда над родимым кладбищем...
Но — земля... Лёгкой доли не ищет
И расчёта в расчёт не берёт.

* * *

На запоре калитка, и двери
Запахну да накину крючок.
Не пеняйте мне, люди и звери, —
Оживёт по-за печкой сверчок,
Полетит заводная кукушка
Куковать и кивать головой,
И дуэт полуночный послушать
К дымоходу прильнёт домовой —
Тихо звякнет на поде заслонка,
И прозрачная тень на полу,
Встрепенувшись, метнётся в сторонку
И в родном затаится углу.

Как давно в этой горенке бедной
Я остался один навсегда...
За окошком в сиянии бледном
Под луною поют провода.
Неподвижно за пряслами вьётся
Тропка в нежном пушке муравы
До замшелого сруба колодца.
В лопухах придорожные рвы
Уходящего к небу просёлка
То ли звёздною пылью полны,
То ль рососою, тяжёлой и колкой.

Снятся лету весенние сны,
Но в полях на пшеничную проседь
Дышит холод, и свой листопад
Сторожит за околицей осень.
Скоро вновь журавли полетят
Клин за клином далече-далече –
Осень царским махнёт рукавом...
А сверчок всё трещит по-за печью.
А в избе больше нет никого.

* * *

Михаилу Немцеву

Пусть как мечталось
 не пришлось мне жить,
Пусть нагяделся дурусти и сраму,
Мне есть, за что отца благодарить,
За что любить и вечно помнить маму.

Спасибо им за свет высоких звёзд,
Светивших надо мной
 со дня рожденья,
За хлеб и соль, за мой нормальный рост,
За лучшую строку стихотворенья.

Спасибо небу, ветру и волне,
Лесам тенистым и просторным нивам
За то, что в несчастливой жил стране,
Но сам себя не помню
 несчастливым.

За то, что Богом я ещё храним,
Что мне моё безбожество простили,
Я поклоняюсь пращурам моим,
Чей прах когда-то стал землёй России.

Поклон солдатам павшим и полям
Великих битв, где суждено лежать им.
Благодаренье братьям и друзьям,
Которые мне дороги как братья.

Спасибо всем, кто русской жил судьбой,
За то, что в нас вовек неистребимо,
За веру, за надежду, за любовь,
В одной Отчизне слитых воедино.

* * *

Владивосток, врастающий в преданья
Горбами сопок, мачтами судов,
Живущий бесконечным ожиданием,
Мне грезился за тридевять штормов.

Как много мест, где я ни разу не был,
С которыми навек нерасторжим!
Как странно, что над этим краем небо
Когда-то показалось мне чужим.

Храню в душе смолистый дух Алтая,
Иртышские крутые берега,
Но разве Ангара мне — не родная?
Но разве мне Нева — не дорога?

В селеньях малых и больших столицах
Желанным и счастливым буду я,
И этому никто не удивится:
Мне родина — вся Родина моя.

1980, Владивосток

* * *

Ещё сквозь ночь скрипеть на Жоламан,
Ещё закат чадит в оконной раме.
Холмов степных недвижимый караван
Плывёт, дрожа верблюжьими горбами.

Пылающая охрой и сурьмой,
Дымящая сырыми кизьяками,
Укрыта степь осеннею кошмой,
Простреленной насквозь солончаками.

Задымлен тамбур, но прозрачно чист
Сквозняк из межвагонного проёма.
О, как же пахнет он и как горчит –
Так позабыто, так давно знакомо!

Всё туже, туже памяти аркан,
Стекло в окне как будто запотело:
Мне кажется, я вижу океан,
В котором вдруг волна окаменела.

И чудится, что в ней растворены
Века бывшие с будущими днями,
И проступает соль из глубины,
Кипевшей под моими кораблями.

И мнится: по волнам и по ветрам
Из дали дальней по дорогам длинным
Я снова возвращаюсь к берегам,
Которых, где бы ни был, не покинул.

И замерзает звон ковыльных струн.
Гремят колёса. Путаются мысли.
И белогривых облаков табун,
Кочуя на весну, пасётся в выси.

И вижу я: у этих облаков,
У гад морских и у степного зверя,
У кораблей моих и берегов, —
Один причал, один родимый берег.

Ещё всю ночь греметь на Жоламан,
Глухую тьму прожектором пугая,
Пока мелькнёт сквозь утренний туман
Последний перегон до Капчагая...

2012,
поезд Усть-Каменогорск — Алматы

И ночью и днём в несказанном просторе
От нашей калитки так ясно видна –
От неба до неба, от моря до моря –
Другая, большая-большая страна...

Но чем бесполезную память утешу?
Жалеть об ушедшем — себя не жалеть.
Портьерою плотной стекло занавешу.
Не буду в ночное окошко глядеть.

СТРАННИКИ

Ветерок был совсем ненавязчив,
Так себе — молодой ветерок.
Я впервые подумал о счастье
На развилке туманных дорог.

Начиналось хорошее утро.

Вдруг я слышу —

шаги в тишине:

Предо мной появляется путник
С сидорком на согбенной спине.

— Здравствуй, — молвил

и взглядом нестрогим

Оглядел чемоданишко мой:

— Ты, гляжу я,

собрался в дорогу,

Да не знаешь, идти по какой?

Я ответил ему,

только душу

Перед путником я не открыл.

Я его невнимательно слушал.

Он недолго со мной говорил:

— Я прошёл по лесам и болотам,
Поглядел на людей и зверьё.
Думал я, вон за тем поворотом
И живёт оно, счастье моё...

Протянул мне сурепку и щавель
И лепёшку мою пожевал:
— Ну, ступай. Я домой возвращаюсь.
Я нашёл, что так долго искал.

* * *

Закончила судьба сюжет моряцкий,
Отныне только пассажиром плыть,
Ни в крабе золотом не красоваться,
Ни кителя с шевроном не носить.

А в памяти, всё больше непослушной,
Всплывает через день да каждый день:
В дверях балкона голубь простодушный,
Доверчивая во дворе сирень.

И не горит в огне, в воде не тонет
То время, где дела мои просты:
Я турмана опять кормлю с ладони,
И пескарей ловлю, и рву цветы.

Всё временно, наверно, всё напрасно,
Но мне об этом некогда судить.
Я вновь спешу с моим четвёртым классом
Кленовый сквер за школою садить.

И радуюсь по-детски, без притворства,
Что клёны скоро вырастут до крыш,
И счастлив тем, что в Усть-Каменогорске
Моя Ульба впадает в мой Иртыш.

И знаю я: конечно, не случайно
Неповторимо всё и всё навек
В том мире, что задуман изначально
На берегах моих родимых рек.

* * *

Иду неузнаваемым по городу,
В котором не был с лейтенантских лет.
Как сладко я обманывался смолоду,
Когда казалось — мне износу нет!
Как я судил о будущем запальчиво,
Как ждал наивно званий и наград!..
Мне вслед мальчишки с завистью глядят.
Но грустно мне — уже и этих мальчиков
Поставил на учёт военкомат.

* * *

Вот приехал на родину... Странно –
Мне теперь заграница она.
Я на этой земле окаянной
Веселее знавал времена.

Мне казалось, что здесь я — навеки,
Но гляжу — вроде всё, как всегда:
Вспять ещё не повёрнуты реки,
Да текут неизвестно куда.

Вот — сплошные канавы да ямы
По пути на убогий погост,
Где под глинистым холмиком мама
Отдыхает от пролитых слёз.

Вот — за серой оградой кладбища,
Как последний солдат на посту,
Появляется сумрачный нищий
И бредёт от звезды ко кресту.

И, готовый упасть и заплакать,
Средь заброшенных русских могил
Прохожу я, весьма косолапя,
Как отец мой нетрезвый ходил.

В кои веки приехал дней на пять,
Погощу в загранице моей.
Я бы тоже, наверное, запил,
Но боюсь сделать маме больней.

Нам до дна эту горькую чашу
Не испить ни потом, ни сейчас:
Потерялось Отечество наше,
А другого не будет у нас.

Ветер листья срывает сухие
С тополей у печальной скамьи.
Подождите, друзья дорогие.
Не спешите, братишки мои.

В небе тучи предзимние дремлют,
И недолго осталось смотреть,
Как прощально на бедную землю
Сыплет осень последнюю медь.

Ветер крыльями времени машет.
Кто там знает, вдруг нас как-нибудь
Соберётся Отечество наше
Медным звоном листвы помянуть.

* * *

Желанная, а всё-таки морока,
И сам не скажешь, рад или не рад
Сюда приехать из Владивостока,
Заранее купив билет назад.

Зыбучим тротуаром Капчагая –
Прогретым до земной оси песком
Я в запылённых башмаках шагаю,
А лучше было б шлёпать босиком.

В авоське неба дыней переспелой
На пёрышках уснувших облаков
Так солнце в полудрёме разомлело,
Что никаких не надо башмаков.

И степь забылась в безмятежных травах,
Прозрачны дали неба и земли
От белых тюбетеек Алатау
До голубого кушака Или.

Вот-вот уже, друг друга не жалея,
Предзимние ветра пойдут на взлёт:
«Чилик» с востока дунет суховеем,
«Балхаш» дождём в лицо ему плеснёт.

Но я пока шагаю Капчагаем,
И тихо осень рядышком бредёт,
И ветра нет, и оба мы не знаем,
Какая нас погода завтра ждёт.

И неподвижна тишина над степью,
И воздух сух, и некому сказать:
Мы связаны разорванной цепью,
Которую не сможем развязать.

* * *

*Стихи мои, слепые псы,
собаки Актиона,
Я вас с руки кормил,
а вы всё мчитесь мне вдогон.*

Евгений Курдаков

Грачи галдели на ветру вселенском,
И рядом, им сквозь ветер не слышна,
С опушки за ополем деревенским
Кричала одинокая желна.

А смех людской не заглушал рыданья
С утра на этой улице и той,
Внушая дню,
«как прочны сочетанья
Всего со всем»
в юдоли всеземной.

Поэт и сам не знал, как это вышло,
Но всё же вышло, что полнее всех
Он в этом шумном дне
успел расслышать
И крики, и рыдания, и смех.

Он их собрал и подержал в ладонях,
Строкою обнял, сердцем обогрел,
Но в том, что понял и чего не понял,
И сам себе признаться не посмел.

От Ак-Баура по степям предгорным
Кочует время, вечностью дыша.
Псам Актиона остужают горло
Эпические воды Иртыша.

В добре и зле, ошибками чреватые,
Дрожащие качаются весы,
Определить не в силах виноватых
В том, как жестоко обознались псы.

Но что потом
с несчастной сворой случилось?
Поэт сражён догадкой своей:
Плоть Актиона сладкой оказалась,
И псы теперь охотятся за ней.

О чём эта повесть?

Ты пот вытираешь со лба.

И с каждым мгновением

тайна становится ближе –

Как много найдётся

тобой не прочитанных книжек,

Когда до финала тебя дочитает судьба.

* * *

Юрию Меньщикову

В прибрежном сквере жёлтая трава
Уже холодным выжжена пожаром,
А ветер ветви шевельнёт едва,
И мёртвая кленовая листва
Потерянно кружит над тротуаром.

Опять в тебя осенняя печаль
С привычной неизбежностью вселилась.
Уже коростой льда покрыт причал.
И берег наш от осени устал.
Но даль — до горизонта! — прояснилась.

О как давно ты ясности хотел,
Как пелена туманов надоела...
Предзимье. Лист последний облетел.
Приморский сквер тихонько опустел,
И осенью душа переболела.

И стали к сердцу ближе чья-то боль,
И грозовая тяжесть небосвода,
И каждый день, и всякая погода,
И видишь ты: твои друзья с тобой —
Любимей и дороже год от года.

* * *

В святом углу, на вешалке в передней,
Не знаю, где притих до лучших дней
Мой верный ангел, первый и последний
Печальный ангел памяти моей.

Я с ним и этой ночью спать не буду,
Бессонная неодолима власть
Его души, живущей там, откуда
Она на белом свете началась;

Где неба перевёрнутое блюдце
Заветный обозначило предел,
Куда так сильно я хотел вернуться,
Как даже стать счастливым не хотел;

Где, молча прорастая из бурьяна,
До солнца дотянулись тополя,
Где ангел мой мечтал о дальних странах,
Крылатый и беспомощный, как я;

Где нам сердца нескоро потревожит,
Что полою водою унесло
Всё то, что ночью грезилось, быть может,
И то, что светлым днём произошло.

И как-то неуверенно и смутно –
Похоже на уже забытый сон –
Вдруг наступило пасмурное утро,
И, наконец, уснули я и он.

Но грянул гром, и ангел мой очнулся,
Звезда, давно погасшая, зажглась,
И время оглянулось — я вернулся.
Но родина меня не дождалась.

Что ж, пусть назад не обратятся реки,
Былое не бывает не былым:
Там отчая земля жива вовеки
И неразлучна с ангелом моим.

* * *

Зачем она так часто снится,
И прогоняя, и маня,
За неожиданной границей
Земля моя и не моя?

Земля предвечного страдания,
Где сонный воздух напоён
Нетерпеливым ожиданием
Иных событий и времён;

Где дым столетий душил местность,
Бессильно сдавшуюся в плен
Не наступивших, неизвестных
И неизбежных перемен...

Ей не вздохнуть свободным вздохом,
Не снять тернового венца,
Пока несчастная эпоха
Не выболела до конца.

И мне увидеть не придётся,
Но явятся и день, и год,
Когда она к себе вернётся
И к сердцу вновь меня прижмёт.

* * *

Я никому сегодня не поверю
И завтра не поверю никому,
Что где-нибудь
 такой же добрый берег
Дороже будет сердцу моему.

Здесь я склонюсь
 перед правдою любою,
Стерплю беду и отмолю вину,
И посреди иртышского разбоя
За просто так уже не утону.

Здесь всё моё и в вёдро,
 и в ненастье –
И белый сад, и жёлтое жнивье –
До края, до последнего причастья
Моё до дна, до капельки моё.

Лишь здесь я знаю всё
 и навсегда мне
Понятен всякий запах, всякий звук,
И здесь под каждым
 придорожным камнем
Хранит земля печаль моих разлук.

Лишь здесь такое ледяное пламя
Кровь горячит до трепета в висках,
Когда я пересохшими губами
Целую воду в чистых родниках.

Куда бы я ни шёл, я здесь на месте
И так легко до боли узнаю,
Где я учил слова любимой песни,
И где её когда-то допою.

* * *

Попал стихами прямо в душу
кержак алтайский Клим Первушин,
заставил чаще биться сердце
своим приветом Миша Немцев...

Мой свет, Лениногорск, мой Риддер!
Я так давно тебя не видел...
Моя родная заграница!
Мне снова бор сосновый снится.

Он над кипящею рекою
стоит, задумчиво спокоен,
и вдруг, взволнован свежим ветром,
шумит, заламывая ветви.

Слепым дождём в дрожащих кронах
мои лета беспечно тонут,
и сосны плачут виновато,
что нет былым годам возврата.

Но в дождь и снег видны пока мне
дорога и дорожный камень –
тот, о который я споткнулся,
да вот ушёл и не вернулся...

* * *

Давно обрёл последний порт приписки
И на губах обсохло молоко,
А то, что представлялось где-то близко,
Вдруг оказалось странно далеко.

И там, в краю, где помнят даже стены
Мой детский сон о счастье, даже там
Назначило совсем иную цену
Скупое время всем былым мечтам.

Останусь здесь и — никуда не денусь,
Уйду туда и — не вернусь назад
Со всем, что до конца ещё не спелось,
Со всем, на что глаза ещё глядят.

Со всякой незадачей и удачей,
С любовью, песней, звёздами в окне
И с тайной этой: что же сердце плачет,
Как будто счастья не достало мне?!

* * *

Вновь посетил заветные места,
Где облака густеют под белками,
И вновь душа становится чиста
Под этими родными облаками.

Мне вновь слышны забытые слова,
И музыка затихшая играет,
И прошлая любовь опять жива
И завтрашней судьбы ещё не знает.

Прижать к груди оставшихся друзей
Такое замечательное дело,
Которого чем дальше, тем сильнее,
Про всё забыв, душа опять хотела.

Минует всё — и повторять смешно,
И горько убеждаться — всё минует...
Но нам мечтать о бывшем суждено,
Пока сердца грядущее волнует.

Что станет с нами? Это ли вопрос!
Что станет с единственной навеки
Землёю отчей, где любил до слёз
Её поля, её леса и реки?

Там радости с печалью пополам,
И горе, что бывало больше горя, —
Всё, небом предначертанное нам,
От гор до гор, от моря и до моря.

Пускай умолкнут наши голоса
Под вечными алтайскими хребтами,
Когда утихомирится гроза,
Безжалостно гремевшая над нами.

* * *

Был ли мальчик? Давно ли?
Свидетелей встретишь едва ли.
Адрес почта забыла,
и вычеркнул паспортный стол.
Отгорели костры,
у которых друзья ночевали.
Улетел самолёт, и назад пароход не пришёл.
Появлялось, влюбляло, рвалось —
неохотно срасталось.
Пронеслось, потерялось
и где-то кричит и молчит.
Это было и — всё.
Это всё, что прошло и осталось,
может быть, только в сердце,
пока это сердце стучит.

Этот бедный пейзаж
во дворе многодетной державы,
что кормила чужих,
а своих не умела беречь,
эти старые двери, открытые слева и справа,
этот смех, этот плач, эта долгая тихая речь
непременных соседок
на лавочке возле подъезда,

этот блекнувший свет,
 отражённый в вечернем окне, —
если это не Божий,
 то чей ещё дар безвозмездный,
если это не сон, то зачем он тревожит во сне?

Скоро всё, чем богат,
 ты оставишь кому-то в наследство,
и в старинном вопросе
 проявится ваше родство:
был ли мальчик? Конечно.
 Куда ему, светлому, деться?
Но тебе неизвестно родимое имя его.
Всё случилось уже.
 Всё опять повторится на свете.
Распорядок земной
 в небесах навсегда утверждён.
Был ли мальчик?
 Наверно, лишь небо само и ответит.
Или спросит.
 За всё, чем успеет запомниться он.

* * *

Бог с вами, поэма и драма,
Из лавра и тёрна венец.
Спасибо великое, мама.
Большое спасибо, отец.

За небо, за степи и горы,
За реки, леса и поля,
За то, что над русским простором
Звезда замерцала моя.

Осталось ни мало ни много —
Спуститься с родного крыльца
И, выбрав прямую дорогу,
По ней прошагать до конца.

Осталось ни много ни мало —
Презрев и тюрьму и суму,
Уйти от родного причала
И снова вернуться к нему.

А там, у начала дороги,
Где сердце стучит горячо,
Осталось, наверно, немного,
Но что-то осталось ещё.

Под светлыми сводами храма
Свеча и святой образец.
Небесное царствие, мама.
Все вечная память, отец.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ ДУШИ	5
А в палисаде соседском	23
Алтайским солнцем грелось лето	145
БАБА ШУРА	60
БАЛЛАДА О ДЯДЕ ЛЁШЕ	116
БЕЗДОРОЖЬЕ	119
Беловодье, моё Беловодье	125
Бог с вами, поэма и драма	191
Борта, надстройки, рубки, мачты.....	78
Будто снится: на даче у брата.....	95
Буян-февраль в сугробах утонул	35
Был ли мальчик? Давно ли?	189
Весной никто не помышлял об осени	108
Владивосток, растающий в преданья	161
Вновь посетил заветные места	187

Вновь уезжать на станцию Защита	100
В окне июнь. Паслён ещё зелёный	41
Вот приехал на родину... Странно	171
В прибрежном сквере жёлтая трава	179
В святом углу, на вешалке в передней	180
Всё было, как в детстве бывает, красиво и просто	103
Всякий город красив, а деревня любая прекрасна	138
Грачи галдели на ветру вселенском	175
Давно обрёл последний порт приписки	186
ДЕНЬ ДЕТСТВА	56
День укрывался предвечерней мглой	29
Дождь не пролился, не упал	89
Дом. Справа речка. Слева склон овражный	26
Дорога по прямой и поровней	47
Ещё не знал я звёздных карт и лаций	73
Ещё сквозь ночь скрипеть на Жоламан	162

Желанная, а всё-таки морока	173
Закончила судьба сюжет моряцкий	168
Зачем она так часто снится	182
Зачем я у далёких берегов	151
ЗАЩИТА	76
ЗЕМЛЯК	141
И день, и два, и целую неделю	127
Иду незнаваемым по городу	170
И хорошо бы вновь вернуться	132
Как много того, что дарила	109
Как на песчаной кромке у воды	111
Кафтаны отряхнём от звёздной пыли	106
Кто чем гордился и чего стыдился	152
Любуюсь узорными гроздьями	34
Мело, валило — ни троп, не вех	30
Мир в сугробах по грудь утонул	32
Мне память рисует картину	45
Мой свет в пути, земля моя родная	134

Мы были юными когда-то	88
Мы собирали марки, книги	93
Над высоким над обрывом	66
НАД КУРГАНОМ	24
На запоре калитка, и двери	155
На миг пришёл, навек уйдёшь	147
На плечах загорелого лета	64
НЕРИФМУЮЩИЕСЯ СТРОКИ	124
Не худо бы на летней зорьке	112
Обнимемся, земляк из Казахстана!	135
Окликались ветры в поле	54
Орёл, распластавший широкие крылья	21
Парк. Скамейка. Вечер на закате	105
Победный миг! Моторам дан отбой	137
Пока земные терпят сроки	51
Полдень. Подробности ясного дня	17
Полжизни миновало — недалече	144
Попал стихами прямо в душу	185

Портьерой до пола окно занавешу	164
Последним солнцем исподволь подсвечен	37
Припоминаю даты, лица	84
Приснилась мне родная сторона	75
Прозрачен день. Подвижна тень берёз	102
Пусть как мечталось не пришлось мне жить ..	159
Пусть не простит бродяг Лениногорск	142
Пусть упадут незрячие дожди	87
Река уверенней текла	71
Родниковый, обветренный край	91
РЫБАЛКА НА ЗАБРОШЕННОЙ МЕЛЬНИЦЕ ...	49
РЫБАЧОК	58
Сбегаёт к лугу по-за пряслом	13
Свечерело, и небо над нами	68
Сказать, хоть заплачь, невозможно	113
Слава Богу за всё в это раннее хмурое утро ...	129
Словно нитка-паутинка	115
Снова старую память латаю	86

С примятой травинки, упавшего наземь листа .	177
Степь, в ковыли стекая по угорам	121
СТРАННИКИ	166
Так было. Ветер ставнями скрипел	19
Там вечность заблудилась в тугаях	82
Там, в задальности, в той стороне	70
Там всё досмертно дорогое	99
Тихо-тихо. Речка льётся тихо	67
Тишина спала в избе	12
То ли белый снег кружился, невесом	157
То ли жил я в нём, то ль приснился мне	27
Трава босые ноги колет	39
Ты не знаешь, как сердцу желанна	80
Уже почти декабрь в Приморском крае	149
Уж нет и помину	43
УЛЬБА	62
УТРЕННИЙ СОН	15
ЧАК	122

Что там за пейзаж — полынь с колючкой	52
Что-то снова считаю не так	154
Я никому сегодня не поверю	183
Я побыл на родительских могилах	97
Ярило раскалённое в зените	18

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ

НЕ БЫВАЕТ РОДИНА ДАЛЁКОЙ

Стихи в авторской редакции.

В оформлении использованы фото
из архива автора.

Технический редактор — *Владимир Постышев.*
Ответственный за выпуск — *Эльвира Кочеткова.*
Допечатная подготовка — *Владимир Постышев.*

Заказ № 2013655 Бумага Golden Star
Формат 60x84/32 Усл. п.л. 3,5 Тираж 350 экз.
Подписано в печать 12.08.2020
Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ЗАО «Полицентр»
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Тел. 8 (42361) 4-45-89.

Родину не объяснить, можно только чувствовать.
Она необъятна, но вмещается в одно сердце.
Человек уезжает на время, уходит навсегда —
Родина остаётся и никогда не покидает того,
у кого она есть. Это не местность, не гео-
графическая точка, которая дана с рож-
дения.

Родину надо заслужить. Вспрадать и отстоять.

Вл. Тюцкий

ISBN 978-5-93577-213-0

9 785935 772130 >